Как попы ссорились

Ты родное Мошенское, огромадное село!
Как зимою в Мошенское все дороги замело...

Вот в Мошенском все дело и вышло.

Жили в Мошенском два попа — приход-то большой, богатый, — поп отец Иван да поп отец Маврикий.

Поп Иван постаре был, а поп Маврикий вовсе молодой и горазно озорной — не то, чтобы пьяница, пить он шибко не пил, а так озоровал. Кого в церкви кадилом по лбу стукнет, кому крестом в зубы ткне, так что зубы чуть не вышибет. Да только приключилась с отцом Маврикием настояща беда — овдовел он.

Сам, чать, знаешь, что попу овдоветь? Жениться другоряд попу нельзя, а мужик он молодой, всего два года как сан принял.

Да только поп Маврикий исхитрился. Накупил разных полушалков, а какие и от жены остались, и стал эти полушалки по окнам развешивать. Ну, молодые бабенки враз поняли, что и к чему. Да и отец Маврикий видный сам из себя был. Ну и стали, которы побойчей да поладней, к нему полы мыть да белье стирать похаживать.

Все бы ладно было, да матушка отца Ивана — попадья — стала ему вдалбливать: пиши, дескать, архиерею, что надо отца Маврикия в монастырь. Блудом-де он занялся. Весь приход тебе достанется, как его отправят.

Ну, отец Иван и написал.

Вызвал их обоих архиерей, а отец Иван дорогой помалкивает, ничего не рассказывает.

Вот приехали они, архиерей и говорит: «Ты, Маврикий, блудом занимаешься — жену не успел похоронить, а уж о тебе слушок пошел!» А Маврикий-то отвечает: «Напраслину на меня возвели, отче! Ко мне только средь бела дня женщины убираться ходят. Что же мне, обовшиветь теперя?»

А сам кулаком глаза трет, будто плачет.

Ну, архиерей видит, напраслину возвел отец Иван. Отпустил он попа Маврикия, а попа Ивана спрашивает: «Ты своими глазами видел или на исповеди бабенки каялись?» Попу Ивану деваться некуда: «Как же, — говорит, — я своими глазами видеть могу, и на исповеди в таких делах бабенки не покаются, потому как правильная женщина на такие дела не пойдет, а с энтих все как с гуся вода, потому бога они не боятся!» — «Ну, — говорит архиерей, — ты сперва доказательства представь, а так первосвященного не с чем нам беспокоить!»

Вот приехал поп Иван домой и все как есть обсказал своей попадье. А матушка-то и говорит: «Я буду глядеть — как он новый полушалок на окно вывесит, ты подберись да в окно-то и загляни, а с собой дьячка возьми».

Ну, поп Иван и рад — уж очень ему охота весь приход в руки забрать. Недолго дожидать-то пришлось.

Вот крадется поп Иван под окнами, а дьячок подале ползет. Да только поп попал невпопад.

Бабенка-та, коя полы в тот день мыла, — словно сам отец Маврикий, озорница была. Она и приметила попа с дьячком. Окно расхлобыснула да помои-те попу Ивану на голову и вылила. Поп закричал: «Анафеме предам тебя, подлую!» А она ему: «Ой, батюшка, да как я знать могла, что ты под окном схоронился?»

Побежал поп Иван домой, велел работнице байну топить. А поп на попадью кричит: «На все село через тебя осрамился — никуда больше не пойду!»

Так дело между попами и кончилось.

А только поп Иван стал денно и нощно бога молить, чтобы покарал господь грешника отца Маврикия.

То ли услышал господь его молитвы, то ли еще что, а только жил в Мошенском богатый мужичок Пенюшка. И стало у этого Пенюшки в дому нечисто — кто-то с печки стал картошкой кидаться, да не только ночью, а средь бела дня.

По селу об этом только и речи. Стал народ бояться к нему в избу заходить. Не бросать же дом, да и куда средь зимы подашься!

Вот и пошел Пенюшка к Маврикию, как все знали, что поп Маврикий бесстрашный был: «Так и так, батюшка, ослобони от нечистого». А поп-то и говорит: «Чего же ты плачешься, тебе радоваться нужно! Ты картошку собирай да свинью на ней и выкормишь — это тебе, видно, дар божий!» — «Какой же это дар божий, когда все в шишках да в синяках ходим, в летнюю избу перешли — а сам знаешь, каково зимой-то в летней избе! Мы хоть народ темный, а не век свой круг скота ходили. Нельзя этой картошкой скотину кормить. Дак ты приходи, батюшко, освяти избу-то, ослобони нас от его!» — «Ну ладно, завтра после обедни приду».

Вот после обедни поп и пошел вместе с дьячком молебен служить у Пенюшки. Все семейство собралось. Отслужил поп Маврикий обедню, побрызгал избу святой водой, сели обедать.

Только поп ложку ко рту поднес, как огромадная картошина ему по лбу и бац! — здоровую шишку набила. Ну, поп схватил эту картошину, да и закинул ее с матерком со всей силы обратно на печку.

На печке-то как взвоет, зашумит, и все тихо стало.

С тех пор у Пенюшки из дому нечистый сбежал.

Да и жила в Мошенском женщина Ольга, по-уличному Бомба. Очень толстая была, ну прямо как лежбак.

Муж у ней вовсе тихий был. А она бубликами торговала.

Сядет на лавку, поставит вперед себя маленьку лавочку, ногу заголит да протянет на маленьку лавочку. Тесто раскатает да по ноге и меряет, чтоб просчету не было. Коло лодыжки обернет — по копейке, круг икры — по три копейки, а круг ляжки выше коленки — по пятачку.

Уж не знаю почему, но только приглянулась эта Ольга-бомба попу Маврикию. И стал он удумывать, как бы ему с ней дело сладить.

Известно, самая сладкая брюква, что на чужом огороде растет.

Кабы не поп Иван, легче дело-то было. А только всякий поймет, что Ольга-бомба полы мыть не пойдет.

Решил поп Маврикий, чтобы Ольга-бомба к нему на исповедь ходила, а там видно будет. Ну и Ольге-бомбе, видно, лестно показалось, что отец Маврикий на ее поглядывает.

Стала она в церкву ходить, когда отец Маврикий службу справлял.

А тут и великий пост подошел — скоро люди говеть начнут. «Погоди же ты, поп Иван, я те выучу. Поране твоего приход объеду».

Вот запряг поп Маврикий мерина в розвальни, а впереди не так что очень большой дошник укрепил. Сел на краешек дошника и поехал по сбору.

А Ольга-бомба ране у отца Ивана яйца да сметану покупала, как они ей завсегда нужны.

Вот объехал поп Маврикий приход, чуть не пол дошника сметаны насбирал. Едет да и думает: «Отдам я эту сметану за так Ольге — все будут думать, что я продал, а она поймет».

Вот доехал поп до Мошенского, заворину вытащил, ворота снова затворил, сел опять на край дошника да и поехал прогоном.

А ты что думаешь? Тот-то забыл, как поп его из Пенькиной избы выжил? Нет, брат, ничего он не забыл.

Только поп поехал, а тот как гикнет, лошадь-то и понесла! Поп и ковырнулся вверх ногам в дошник со сметаной.

Домчала лошадь до дома Ольги-бомбы и стала как вкопана.

Сбежался народ, вытащили попа из дошника-то — еле отхаркался поп, — еще бы немного, и утонул бы в сметане, да, видно, не попустил господь нечистого безвинно погубить попа!

Хорошо еще, что дело-то великим постом было, у попа под подрясником штаны были одеты, а ну как в Петровки?

И то народ смеялся, как поп вверх ногам по селу промчался.

Ну, Ольга-бомба на исповедь к нему не пошла и смотреть на него не стала.

Вот как Пенюшку-то поп Маврикий выручил, а себя, значит, выучил!

(Зап. Н. И. Серпухова (1908 г. р.) по памяти; сказку услышала в детстве в с. Мошенском Боровичевского у. Новгородской губ. от М. И. Захаржевского в 1921-1922 гг.; сказочный вымысел основан на местных преданиях и быличках; имена и прозвища подлинные.)

Русская сатирическая сказка. Сост., вступ. ст. и примеч. Дм. Молдавского. л., 1979.